

Это истолкование идейного содержания и идейной направленности «Задонщины», предложенное Д. С. Лихачевым в упомянутых двух статьях 1941 и 1945 годов, убедительно аргументированное историческими, литературными и историко-культурными данными, встретило признание со стороны других авторитетных советских литературоведов, специалистов по древней русской литературе, например, со стороны В. П. Адриановой-Перетц¹ и Н. К. Гудзия.²

Надо сказать, что подробно изложенная здесь трактовка Д. С. Лихачевым идейной стороны «Задонщины» имеет значение и при рассмотрении и решении вопроса о первоначальном составе этого памятника, так как она лишний раз — и с большой убедительностью — доказывает, что в авторском оригинале было, должно было быть известное нам теперь предисловие, дающее своеобразную «установку», целеустремленность всему произведению, раскрывающее его глубокий и оригинальный идейный замысел.

* * *

На сегодня уже можно считать общепризнанным, что «Задонщина» не является простым подражанием стилю «Слова о полку Игореве», бессознательным использованием его художественных сокровищ, а представляет сознательное, глубоко продуманное обращение к величайшему памятнику древней русской литературы для воплощения своеобразной широкой исторической концепции, связывающей и противопоставляющей события отдаленного прошлого с живыми событиями настоящего. Это позволяет «говорить о самостоятельном характере заимствований Софония из „Слова о полку Игореве“ соответственно смыслу нового сюжета»,³ т. е. соответственно его собственному оригинальному поэтическому замыслу.

Наблюдения ряда исследователей, особенно В. П. Адриановой-Перетц⁴ и В. Ф. Ржиги,⁵ достаточно убедительно говорят о том, что Софония свободно обращался с художественным материалом «Слова», видоизменяя его, в одних частях своего произведения используя его больше, в других — значительно меньше, а иной раз в одном эпизоде «Задонщины» комбинируя отрывки из разных частей «Слова». Эти наблюдения, мне кажется, могли бы быть расширены и продолжены для выяснения полной картины взаимоотношения обоих памятников и для окончательного раскрытия своеобразия и самостоятельности Софония как писателя в его отношениях к «Слову».

Точно так же более детального и всестороннего освещения требует вопрос о степени оригинальности устнопоэтических элементов «Задонщины», которые никак не могут быть объяснены одними данными «Слова». В но-

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о Куликовской битве Софония рязанца (Задонщина) В кн.: Воинские повести древней Руси, стр. 154—159; отчасти также в работе В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина», стр. 135—137, 177.

² Н. К. Гудзий. Зарождение и становление Московской литературы. Вестник Московского университета, 1947, № 9, стр. 102—103; см. также: Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 3-е, М., 1945, стр. 241—242 (то же и в последующих изданиях: четвертом — 1950, стр. 219 и пятом — 1953, стр. 221). Эта точка зрения принята и акад. М. Н. Тихомировым, см.: История Москвы, I. М., 1952, стр. 75—76 (со ссылкой на статью В. П. Адриановой-Перетц в книге «Воинские повести древней Руси»).

³ В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 27

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. 1) «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина», стр. 149—156; 2) Слово о Куликовской битве Софония рязанца (Задонщина), стр. 161—164.

⁵ В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 27, 31, 33—35.